

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364

EDN: NGFUAO

УДК 811.161.1'22

Научная статья / Research article

Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира

С.Н. Стародубец , О.В. Белугина , О.Ю. КолеговаБрянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
241036, Российская Федерация, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14 starodubets.madam@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается специфика осмысления идеологема *русская идея* в русской концептуальной и языковой картинах мира. Предмет исследования — составное наименование *русская идея*, употребленное в философском и политическом дискурсах, фрагменты которых включены в Национальный корпус русского языка. Цель исследования — выполнить лингвокогнитивное моделирование идеологического концепта *русская идея* как единицы мышления, обосновав структурную и смысловую составляющие. Когнитивная матрица концепта включает уровни: прецедентный, прототипический, идеологически-оценочный, национально-культурный, идентификационный и ассоциативно-образный. С применением методики когнитивно-матричного анализа репрезентации знаний установлено, что план выражения идеологема представлен пятью основными и четырьмя маргинальными вариантами; план содержания идеологема определен, с одной стороны, концептуальной базой, спроецированной историко-культурной составляющей смыслового поля, с другой стороны, содержанием, актуализированным в период второй половины XX — начала XXI веков. Идеологическая составляющая концепта амбивалентна, обусловлена парадигмой ситуативных моделей (фреймов) социально-политического, философского, религиозного характера, репрезентация которых говорящим предполагает эксплицитное либо имплицитное оценивание события. Результаты исследования расширяют границы лингвокогнитивного моделирования концептов. Предложенная модель когнитивной интерпретации идеологического концепта может быть использована при описании широкого спектра идеологем.

Ключевые слова: концепт, составное наименование, Национальный корпус русского языка, вторичная номинация, амбивалентность

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

© Стародубец С.Н., Белугина О.В., Колегова О.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Стародубец С.Н., Белугина О.В., Колегова О.Ю. Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 347–364. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364>

“Russian Idea” Ideologeme in the Russian Conceptual and Linguistic Pictures of the World

Svetlana N. Starodubets , Olga V. Belugina , Oksana U. Kolegova

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University,
14, Bezhitskaya str., Bryansk, Russian Federation, 241036

 starodubets.madam@yandex.ru

Abstract. The study examines the specifics of understanding the Russian idea ideologeme in the Russian conceptual and language pictures of the world. The subject of the study is the compound name of the Russian idea, used in philosophical and political discourses, fragments of which are included in the National Corpus of the Russian Language. The purpose of the study is to perform linguocognitive modeling of the ideological concept of the Russian idea as a unit of thinking, justifying the structural and semantic components. The cognitive matrix of the concept includes the following levels: precedent, prototypical, ideological-evaluative, national-cultural, identification and association-shaped. Having substantiated the structural and semantic components. The cognitive matrix of the concept includes such levels as: precedent, prototypical, ideological-evaluative, national-cultural, identification and association-shaped. Using the methodology of cognitive matrix analysis of knowledge representation, it was proved that the plane of expressing the ideologeme is represented by five main and four marginal options; the plane of the content of the ideologeme is determined, on the one hand, by the conceptual base, the projected historical and cultural component of the semantic field, on the other hand, by the content updated in the second half of the 20th — early 21st centuries. The ideological component of the concept is ambivalent, due to the paradigm of situational models (frames) of a socio-political, philosophical, religious nature, the representation of which by speakers implies an explicit or implicit assessment of the event. The results of the study extend the boundaries of linguocognitive modeling of concepts. The proposed model of cognitive interpretation of an ideological concept can be used in describing a wide range of ideologies.

Keywords: concept, ideologeme, compound name, national corpus of the Russian language, secondary nomination, ambivalence

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Starodubets, S.N., Belugina, O.V. & Kolegova, O.U. (2023). “Russian Idea” Ideologeme in the Russian Conceptual and Linguistic Pictures of the World. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 347–364. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364>

Введение

Современная лингвистика, продолжая традиции советского языкознания, активно исследует ценностные ориентиры социума, воплощенные в знаке.

Как справедливо отмечали М. Николич и Н.В. Новоспасская, «одним из основных направлений исследования в языкознании становится описание концептосфер языков и отдельных концептов в их составе; проблемой работ такого рода является вопрос о том, что стоит в сознании носителей языков за номинацией концепта, какие лексические единицы его описывают, каковы особенности их функционирования» [1. С. 35].

Традиционно актуальны семантико-когнитивные работы, связанные с репрезентацией идеологических понятий, спецификой выявления идеологической оценочности и коннотации. Наиболее востребованным в лингвокогнитивистике стал небезызвестный термин «идеологема». Теория идеологем сегодня представлена фундаментальными работами А.П. Чудинова [2], Н.А. Купиной [3], Н.И. Клушиной [4], Т.Б. Радбиля [5] и др.

Считаем возможным согласиться с Е.Г. Малышевой и определить идеологему как «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [6. С. 35]. Очевидно, что при таком понимании термины «идеологема» и «идеологический концепт» идентичны. (Например, см. определение термина «идеологический концепт» [7. С. 335].)

Тем не менее, на наш взгляд, предпочтительнее определить использование названных терминов следующим образом: идеологема — идеологическое понятие, зафиксированное в языковой картине мира социума посредством идеологизированного слова или составного наименования, идеологический концепт — ментальное образование, имеет место в концептуальной картине мира. Соответственно, идеологема в широком понимании = идеологический концепт, в узком — лексема с идеологическим компонентом значения.

Полагаем необходимым актуализировать внимание на том факте, что мы рассматриваем идеологические концепты в нескольких параметрах:

- базовые, являющиеся составляющей национальной когнитивной базы;
- групповые — репрезентанты русского религиозно-философского дискурса с учетом внутренних ее составляющих (философия всеединства, философия евразийства, философия Белого движения и др.);
- индивидуальные [8. С. 16–17].

Объект настоящего исследования — лингвокогнитивная интерпретация идеологемы *русская идея* в русской концептуальной и языковой картинах мира. Предметом исследования является составное наименование *русская идея*, употребленное в философском и политическом дискурсах, фрагменты

которых включены в Национальный корпус русского языка. **Цель исследования** — лингвокогнитивное моделирование идеологического концепта *русская идея* как единицы мышления, с обоснованием структурной и смысловой составляющих.

Считаем особенно продуктивными в настоящее время идеологемы, эксплицированные посредством составных наименований (СН) с этнонимом *русский*: *русский мир, русский человек, русская идея, русское Слово/слово, русское оружие, русский солдат, русская культура, русский вопрос, русский характер, русский стиль* и др.

Что касается статуса составных наименований, то концепция воспроизводимости, как известно, обуславливает широкое понимание фразеологизмов, при котором и фразеологические единицы, и составные наименования (СН) относятся к одной категории (В.Л. Архангельский, А.В. Кунин, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский и др.), в свою очередь семантическая концепция основана на критериях целостности, образности, экспрессивности, определяющих статус устойчивой языковой единицы (В.М. Мокиенко, Ю.П. Солодуб, В.Н. Телия и др.), предполагает невключение СН в группу фразеологических единиц языка.

Мы разделяем семантическую концепцию фразеологизма, считаем, что дифференциация СН и фразеологизмов обусловлена теми функциями, которые они выполняют в языке. Для СН, как и для слов, базовой является номинативная функция, образность и коннотативное значение являются маркером фразеологических единиц [9]. При этом нельзя отрицать, что коннотация не может быть приметой СН. Коннотативное со-значение в СН возможно, тем не менее функционально оно вторично и несколько не влияет на категориальную репрезентацию первичного номинативного значения словосочетания. Таким образом, функциональный подход к определению статуса устойчивых единиц позволяет, как нам представляется, дифференцировать фразеологизмы, образные устойчивые сочетания, и составные наименования (СН) — номинативные устойчивые сочетания.

Составными наименованиями являются сочетания слов, которые обозначают явления действительности и представляют собой объединение, обладающее смысловым и структурно-грамматическим единством, которое приравнивается к одному слову. Они выступают как общее понятие о каком-либо классе предметов реального мира. Своими структурно-семантическими свойствами они похожи на переменные словосочетания, а употреблением — на фразеологизмы. Тем не менее составные наименования представляют собой устойчивые словосочетания иного рода. Для них характерна лексическая делимость слов-компонентов [10. С. 40]. Соответственно, с семантической точки зрения данные языковые единицы фразеологизмами не являются.

Компоненты составных наименований выступают в качестве маркеров дифференциальных свойств обозначаемого, в связи с этим каждый из них не-

сет долю итогового смысла. Главным свойством их семантики является возможность разложения общего значения на составляющие. Устойчивая лексическая сочетаемость компонентов способствует созданию нового значения, заключающего в себе реалии внеязыковой действительности. Последнее является органически целым, качественно новым единством, доминирующим над значениями его составляющими и при этом сохраняющим ясность семантики компонентов.

Считаем возможным согласиться с позицией профессора А.А. Бурова, включающего составные наименования в зону номинационного анализма [11] (или контаминированного способа номинации): «Вводя понятие «номинационный анализм», мы предполагаем, что называющий знак проявляет номинационно-аналитические свойства в том случае, если он имеет описательную (дескрипционную) форму, обладает соотносительностью с единым, любой сложности, денотатом. Соотношение лексического и грамматического «компонентов» при этом осуществляется благодаря тексту: составная форма соответствует определенной синтаксической единице, ее структура играет роль грамматического показателя, а номинационная семантика проявляется нерасчлененно, в комплексе. <...> факты номинационного анализма относятся к области, связывающей словарь и текст (синтаксис), лексическую номинацию с синтаксической, это область контаминированного способа номинации» [11. С. 63–64].

Составное наименование *русская идея*, на наш взгляд, представляет собой двухкомпонентное образование, возникшее путем распространения имени существительного именем прилагательным, характеризуется контекстуальным контаминированным (философским, политическим, религиозным и эстетическим) планом содержания (в результате вторичной номинации, когда атрибут маркирует контекстуальное «приращение» плана содержания [8. С. 225]).

Методология исследования

Как было отмечено нами ранее, идеологема *русская идея* является ядром, вокруг которого иерархически концентрируется доминирующая система понятий, репрезентирующих религиозно-философскую картину мира русского зарубежья первой половины XX века. Типология вариантных составляющих концепта *русская идея* в русской лингвокультуре может быть представлена через концепт-образ, концепт-образ — концепт-фрейм, концепт-фрейм, концепт-прототип [12. С. 41–46]. Что касается дискурса произведений И.А. Ильина, то здесь необходимо говорить о концепте *русская идея* как о целостной совокупности образов («гештальтов»), ассоциирующихся с именем определенной абстрактной сущности, сама же совокупность образов, привлекаемых для дефинирования плана содержания

концепта *русская идея*, признана нами прототипической, апеллирующей к концептам *свобода, любовь, сердце*, насыщенным этнокультурным содержанием. Соответственно концепт *русская идея* в дискурсе И.А. Ильина репрезентирован как концепт-прототип.

Считаем необходимым установить, что в современном русском языке специфика концептуализации понятия *русская идея* может быть определена посредством когнитивно-матричного анализа концептуальных областей, релевантных для актуализации значения слова: «<...> матрица сводит воедино знания о разных аспектах одного явления. Она обращена к нескольким концептуальным областям, ни одна из которых не является строго обязательной. <...> отражает набор концептуальных сфер, имеющих в силу нашего опыта и знания отношение к данному концепту» [13. С. 75–76].

Выбор когнитивно-матричного метода исследования определен тем, что идеологемы с означаемым компонентом «русский» опираются на пресуппозицию «в сравнении с признаком, не относящимся к русскому» («Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного; поняли, что нас много, <...> что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут» (Ф.М. Достоевски. Дневник писателя, 1877)). Следует подчеркнуть, что С.П. Шевыревым понимание *русской идеи* был изначально определено как идеи, «обратной» германской. Названная пресуппозиция предопределяет, «запускает» «когнитивный механизм сравнения» в контексте «соревновательной доминанты русской культуры» [14. С. 64, 72], который становится «пусковым механизмом процесса концептуализации» [13. С. 80].

Считаем возможным описание смыслового поля идеологем методом анализа фреймовой семантики [15; 16; 17. С. 26]. Нам представляется удачным выполненный таким образом концептуальный анализ смыслового поля идеологемы *русский мир* С.Е. Тимофеевым [18].

В работе также применяются методы: корпусный, статистический, контекстуальный, семантико-когнитивного анализа плана содержания идеологемы.

Лингвокогнитивное моделирование концепта русская идея

Когнитивная матрица концепта *русская идея* представляет собой следующую структуру:

1. **Прецедентный уровень.** Следует учитывать, что до непосредственного появления терминологического сочетания *русская идея* в XIX веке (в произведениях Ф.М. Достоевского) концепт *русская идея* су-

ществовал в латентном, скрытом виде, в «образе» [19. С. 62]. С этой позиции хронологическим «источком» концепта следует признать «Послание о неблагоприятных днях и часах» старца Филофея с его общеизвестной формулой «Москва — третий Рим».

2. **Прототипический уровень.** От Ф.М. Достоевского до наивысшей степени актуализации в произведениях русских религиозных философов в первой половине XX века. Определен концептами *свобода*, *любовь*, *сердце* (в понимании И.А. Ильина), *соборность* (в интерпретации славянофилов (А.С. Хомяков), Н. Лосского, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева), *всеединство* (в понимании Вл. Соловьёва), *русская словесность* (в понимании С.П. Шевырева: «*Древняя русская словесность выразила Божественное начало, содержащееся в христианском чувстве*» *русского народа. Русская церковь была опорой Русского государства в устройении единой державы* (Шевырев 1860. Ч. 4. С. 20)); «*словесность народа в её высших проявлениях есть выражение национального духа в слове, выражение образованное и полное*» (Шевырев 1835а. С. 495); «*история русской словесности перерастает в русскую философию*» [14. С. 59, 69]: «*Русская идея становится критерием оценки словесности; на её основе критик определяет, в какой мере текущая словесность является воплощением национальной самобытности*» [14. С. 64]. Кроме того, фреймами, репрезентирующими ситуативные модели, описанные нами в работе «„Русская идея“ как базовый концепт религиозной философии русского зарубежья первой половины XX века», както: «отрицание смертной казни», «русский мессианизм», «сострадательность», «искание Царства Божьего», «народничество», «толстовство», «идея братства», «эсхатология», «анархизм», «Богочеловечество» [12. С. 41–46].
3. **Идеологически-оценочный уровень** (со второй половины XX века и до наших дней). Задан атрибутом *русский*, репрезентирующим базовые ценностные ориентиры, а также средствами микро- и макротекста, участвующими в дефинировании СН *русская идея*. Обуславливает идентификацию понятий концепт = идеологический концепт применительно к подобным ментальным образованиям. Считаем, что атрибут *русский* является «функтором-атрибутом», сосредоточивающим все потенциальные вариантные центробежные и центростремительные контекстуальные функции, эксплицирующим в дискурсе оценочность и коннотацию «духовность». *Русский* ↔ *национальный*, *русский* ↔ *духовный*, имеет место «семантическое заражение» атрибутов. Подчеркиваем, что атрибут детерминирует рассмотрение идеологии и как лингвокультуры (См.: В.В. Воробьев «Русская идея как лингвокультурологическое понятие» [20]).

4. **Национально-культурный уровень** (со второй половины XX века и до наших дней). Репрезентирован атрибутом *русский*, который является мифологическим этнокультурным архетипом, отсылающим адресата к парадигме сформированных в русской культуре ценностей, а именно: *русский мир*, *русский характер*, «*русский дух*» (фразеологизм), *русская душа*, *русский человек*, *русский солдат*, *русский народ*, *русская зима*, а также по И.А. Ильину: «*русская совесть*», «*русское сердце*», «*русская семья*», «*русская вера*».
5. **Идентификационный уровень**, реализован посредством персонификации лиц, символов и антисимволов: «*февронька*», «*не американская мечта*», «*Затулин*», «*Снегурочка*», «*Свистунов*», «*человек Ной*» и т.п.
6. **Ассоциативно-образный сквозной уровень**, представленный совокупностью концептуальных метафор: «*свет Русской Идеи*», «*ведет Русская Идея*»; «*Тимошенко оседлает русскую идею*», «*Медведи приватизируют русскую идею*» и др.

Обратимся к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) [21]. По запросу было выявлено 140 документов употребления составного наименования *русская идея* в основном корпусе и 68 в газетном. Проанализируем план выражения составного наименования на основе выбранных из НКРЯ контекстов и план содержания атрибутивного составного наименования с учетом синтагматики микроконтекста.

В контекстах, представленных в НКРЯ, анализируемое составное наименование с наибольшей частотностью встречается в пяти вариантах: *Русская Идея*, «*Русская идея*», *Русская идея*, *русская идея*, «*русская идея*».

Вариант 1: Русская Идея

Составное наименование *Русская Идея* в основном Национальном корпусе русского языка употребляется в 9% от общего числа контекстов, а в газетном — в 8%.

1. Основной корпус:

«*Спасение Русской Идеи (и русской культуры в целом) я вижу в том, что она всегда располагалась на путях открытий законов природы и законов действительного общежития*» (Георгий Бурков. Хроника сердца (1953–1990 гг.).

2. Газетный корпус: «*Он, может быть, и до сих пор не знает, в чем состоит та самая Великая Национальная Русская Идея*» (Александр Гамов. Успеет ли Путин спасти Россию? // Комсомольская правда, 2001.03.27).

Употребление двух прописных букв в написании СН определяет его особый символический смысл — персонификацию Божественного, Света как факта великой миссии России и ее интеллигенции («*Иногда эти светлые умы даже не догадываются, что их ведет Русская Идея*», «*Чтобы сбить свет Русской Идеи, необходимо было истребить цвет русской интеллигенции*» (Георгий Бурков. Хроника сердца (1953–1990 гг.)).

Вариант 2: «Русская идея»

«Русская идея» в основном Национальном корпусе русского языка употребляется в 8 % от общего числа контекстов, а в газетном — в 6 %.

1. Основной корпус:

«В Москве прошла презентация книги бывшего президента Финляндии Мауно Койвисто «Русская идея» — курс русской истории от варягов до Путина на 241 странице» (Новости (2002) // «Витрина читающей России», 2002.09.13.).

2. Газетный корпус:

«Монография «Русская идея В.М. Шукишина» М., 1999 г. (Владимир Сигов: «Русский язык как второй государственный — полезен Украине» // Новый регион 2, 2007.11.13).

«Русская идея», исходя из представленных контекстов, — это наименование, используемое для обозначения названий книг, серий книг, телепрограмм.

Вариант 3: Русская идея

В основном корпусе встречается в 5 % случаев, в газетном корпусе — в 3 %.

1. Основной корпус:

- «Порожденная православным сознанием **Русская идея** постоянно вбирала в себя духовные свойства народа, одновременно выражая и его «особенную физиономию», как говорил Пушкин, видя ее «в образе мыслей и чувствований, тьме обычаев, поверий и привычек. <...> мы могли бы рассматривать «Снегурочку» как своеобразное формулирование на языке изобразительного искусства **Русской идеи**». (Марина Петрова. В.М. Васнецов «Снегурочка». Нетрадиционный анализ в традиционном историческом контексте (2004) // «Наш современник», 2004.07.15);
- «В развернутом изложении содержания **Русской идеи** она предстает как выражение сущности русской (русско-славянской) цивилизации, русского образа жизни, для которого, по его словам» [Е.С. Троицкого — пояснение наше: С.С., О.В., О.Ю.], «были характерны понимание трудолюбия как добродетели, взаимопомощь, коллективизм в рамках общины и артели, вместе с тем подвижничество, предприимчивость, предпринимательство, инициатива, преклонение перед мужеством и удалью, следование высоким морально-этическим принципам честности и порядочности» (Актуальность русской этнополитологии (2001) // «Жизнь национальностей», 2001.11.23);
- «Опонское царство и Русская мечта, Беловодье и Святая Русь, Вся Правда и Коммунизм, **Русская идея** и Духовность — все это лики должного» (Н.Л. Захаров. Система регуляторов социального действия российских государственных служащих (теоретико-социологический анализ) (2002)).

2. Газетный корпус:

- *«Существует ли Русская идея? <...> Русская идея для меня — воображение, понимание гармонии и красоты, эстетическое и нравственное осязание мира. <...> Русская идея — дети, не нюхающие клей в подвалах, а читающие Пушкина в школах. <...> Русская идея — люди разумные, а не люди прямоходящие, спиливающие мешающую им сосну и плюющие в ручей. <...> Русская идея — человек Ной, а не человек Потоп»* (Андрей Седов, Лариса Кафтан, Александр Гамов, Александр Ермаков и Алексей Енисенков («КП» — Калининград»), Эмма Кинас («КП» — Петропавловск-Камчатский»). Ищем Национальную идею России // Комсомольская правда, 2005.04.21).

Данный вариант фиксирует «выражение сущности русской цивилизации», многоликость ее духовного смысла как ценностной составляющей русской культуры наряду с «Русской мечтой», «Правдой», «Святой Русью».

Кроме того, данный вариант эксплицирует идентификационную зону концепта [22. С. 327] через персонифицированные прототипы концептуализируемого явления, а именно — пьесу Н.А. Островского «Снегурочка», образ Ноя.

Вариант 4: русская идея

Это наиболее распространенный вариант употребления данного составного наименования. В основном корпусе такое употребление встречается в 66 %, в газетном — в 62 %.

1. Основной корпус.

Концептуальная область «национальная, общественно-государственная, духовно-национальная».

- *«Русская идея есть теоретическая и духовная доктрина обеспечения независимости святой Руси, возрождения нации, ее превращения прежде всего в народ для себя, это ядро воссоздаваемой общественно-государственной идеологии великой России, осознание себя нацией, осмысленное стремление народа к утверждению национального государства, лучшей действительности, совершенствованию своей цивилизации и образа жизни, концентрированное и возвышенное проявление сущности Отечества, национальной психологии, мужества и жертвенности, воинской доблести, духовности нашего народа, его нужд и потребностей в экономике, политической, социальной, культурной, международной жизни»* (Русская идея: национальное и общероссийское (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05).

Концептуальная область «православие, соборность».

- *«Русская идея была сформулирована как идея Соборности»* (Георгий Киреев. От национальной утопии к национальной идее (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16);

- «*Стало быть, русская идея — это во многом феномен религиозного сознания*» (Русская идея: национальное и общероссийское (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05).

Следует подчеркнуть, что расположение СН в начале высказывания предполагает контаминацию двух способов выражения — *русская идея* и *Русская идея*: «**Русская идея** сегодня — это осознание русскими людьми, народом в целом своей идентичности, общего пути, общих задач, общей ответственности и обязанности строить лучшее, гуманное и справедливое общество» (О пользе общегосударственной идеи и попытках ее определения // «Жизнь национальностей», 2004.06.16).

2. Газетный корпус.

Концептуальная область «характеристики идеи».

- «*Её определений в текстах Бердяева много, но большей частью они представлены в манере «от противоположного»: русская идея — не буржуазная, не националистическая, не западная и не восточная, не похожа на идею германскую или немецкую и прочие негации и дихотомии, так любимые им*» (Василий Ванчугов. Духовная глубина консерватизма» // Известия, 2014.03.19);
- «*Федор Михайлович Достоевский писал, что русская идея — это всечеловечность и восприятие всей культуры мира*» (Елена Лаптева, Фото из семейного архива и Алекса Федечко-Мацкевича. Юрий Шевчук: Моя женщина должна есть и выпивать не меньше меня // Комсомольская правда, 2007.05.16);
- «*Вся русская идея при этом свелась к традиционному рыганию и производству больших куч продуктов переваривания*» (Валерий Лебедев. Новая элита — спасение России (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.26).

Концептуальная область «лица/символы (антисимволы), олицетворяющие русскую идею в первоизданном либо трансформированном виде».

- «*<...> Затулин — автоматически враг русского народа и русской идеи*» (Оборотень в Госдуме: «ястреб Затулин подарил Крым Украине» // Новый регион 2, 2006.04.25);
- «*<...> И так будет до тех пор, пока там будет Свистунов, извращенец от русской идеи*» (Самая русская партия Украины вляпалась в «кассетный скандал» // Новый регион 2, 2007.03.17);
- «*Нам нужна русская идея, а не американская мечта*» (Андрей Седов, Александр Гамов, писатель и историк Александр Горянин: Мы — самый везучий народ! // Комсомольская правда, 2005.08.01);
- «*Кто знает, может, со временем мечта Андрея осуществится, и февронька станет частью национальной русской идеи, перебив по популярности пришедшую к нам с запада валентинку*» (Ольга Постнова. Валентинки на православный лад // Известия. 2011.02.07).

В рассмотренных нами вариантах, представленных в газетном корпусе, эксплицированы амбивалентные символы и антисимволы *русской идеи*.

Названный вариант репрезентирует, с одной стороны, ядерные составляющие смыслового поля, с другой стороны, ассоциативную часть семантики смыслового поля («*дети, читающие Пушкина в школах*», «*февронька*»).

Вариант 5: «*русская идея*»

В основном корпусе такое употребление встречается в 10 %, в газетном — в 18 %.

1. Основной корпус.

- «*Впервые же сам термин «русская идея» применил в 70-х годах XIX века наш великий мыслитель Ф.М. Достоевский*» (*Русская идея: национальное и общероссийское*) (2002) // «Жизнь национальностей», 2002.06.05);
- «*Россия тоже колеблется между «западничеством» и «русской идеей» в конце концов создавая свою собственную модель общества*» (Михаэль Дорфман. Дмитрий Верхотуров. Об Израиле, войне в Ираке, Сталине и кое-чем другом... (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.30).

Приведенный вариант оформления СН является маркером плана выражения первичного концептуального содержания терминологического характера. Используется в контекстах типа: «*обратиться к понятию “русская идея”*», «*книги о “русской идее”*», «*эссе о “русской идее”*» и т.п.

2. Газетный корпус.

«*Такова «русская идея» в понимании Бердяева: преодолеть буржуазную идеологию, но не остановиться на социализме или коммунизме*» (Василий Ванчугов. Духовная глубина консерватизма // Известия, 2014.03.19).

В газетном корпусе данный вариант используется в значении «перспективная партийная линия»: «*Партия с «русской идеей» сможет набрать в 2016 году до 10 % голосов, предупреждают эксперты*» (Алёна Сивкова. Общественная палата: националисты пройдут в следующую Госдуму // Известия, 2013.03.27).

Единичными являются варианты: **РУССКАЯ ИДЕЯ**, **РУССКАЯ идея**, «*русская» идея*, *русская «идея»* (2 % в основном и 3 % в газетном корпусе).

Использование прописных букв в приведенных СН предполагает доминирование воздействующей функции и зафиксировано в газетном корпусе. Кавычки в первом или втором слове предполагают критический либо иронический подтекст: «*Одни ваши коллекции строились на космической теме, другие — на прочих популярных на Западе „русских“ идеях*» (Татьяна

Медовникова. «В нашем Доме 99 работников. Я — сотый // Известия, 2012.09.13); «Славянофилы, действительно, преклонялись больше перед *русской «идеей»*, чем перед фактом и силой» (Н.А. Бердяев. О «вечно-бабьем» в русской душе (1915).

Исходя из положения, что «лексика языка представляет собой наиболее обширную, многомерную, сложную и подвижную систему» [23. С. 12], нами было охарактеризовано смысловое поле идеологического концепта (= идеологемы) *русская идея*.

В ядерной (интенциональной) части зафиксированы следующие концептуальные области:

- национальная, общественно-национальная, духовно-национальная;
- православие, соборность;
- характеристики идеи;
- лица/символы (антисимволы), олицетворяющие *русскую идею* в первоизданном либо трансформированном виде.

Названные семантические компоненты есть варианты макропропозиции «Идея России» (Павел Флоренский): «Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет своё ничтожество, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы <...> обратятся к Русской идее, к идее России» (Валерий Коновалов А остальное подробности // Труд-7, 2007.01.20).

Смысловое поле идеологического концепта *русская идея* материализуется в совокупности коммуникативных значений составного наименования *русская идея*:

- первое коммуникативное значение — «всечеловечность и восприятие всей культуры мира» (вслед за осмыслением этого феномена Ф.М. Достоевским): *русская идея*;
- второе коммуникативное значение — «ценностная доминанта русской языковой и концептуальной картин мира, основанная на глубинном осмыслении миссии русской цивилизации и русской культуры в истории и мире с позиции Д/духовного со'-бытия человека — личности — народа и Бога, обусловившего все составляющие общественного развития и национального самосознания, очерченного константами Духовности/духовности, соборности, любви, свободы, совести, сердца: *русская идея* / *Русская идея* / *Русская Идея* / *РУССКАЯ ИДЕЯ* / *РУССКАЯ идея*;
- третье коммуникативное значение — «теоретическая и духовная доктрина обеспечения независимости России, ядро общественно-государственной идеологии, основанное на возвышенном и высокодуховном осмыслении сущности Отечества, духовности народа, мужественности и жертвенности, культуры, правосознания и нравственности»: *русская идея* / *Русская идея*;

- четвертое коммуникативное значение — научная либо общественная теория успешного развития, возрождения народа, как то: «Третий Рим», «славянофильство», «социализм», «коммунизм»: *русская идея*;
- пятое коммуникативное значение — «названия книг, серий книг, телепрограмм: *«Русская идея»*.

Идеологическая составляющая концепта *русская идея* реализуется посредством следующих составляющих компонентов смыслового поля, таких как «национальная», «государственная», «Д/духовная», «православная», «С/соборная».

Кроме того, базовая часть смыслового поля идеологемы определена амбивалентной оценочностью идеологемы, зафиксированной посредством контекстуального дефинирования (*«новая русская идея: «Что хорошо для бизнеса — хорошо для России», «бей своих, чужие бояться будут», «Пугачёвщина», «погромные эмоции», «националистический антисемитизм», «русский фашизм», «традиционное рыгание и производство больших куч продуктов переваривания»*).

Считаем, что идеологический фокус знака в составном наименовании *русская идея* задан интенционалом. Такие языковые единицы мы определяем как сигнификативно-денотативно идеологизированные слова, которые «изначально не имели безоценочного значения, их социально-идеологический оценочный компонент содержания имманентно присущ и денотату, и сигнификату соответственно» [24. С. 36].

Имплицативный потенциал концепта реализован периферийной частью смыслового поля и представлен широким спектром ассоциатов: *«идея сердца», «созерцающая любовь», «божественный исторический замысел», «дети, читающие Пушкина», «водка — это, конечно, не русская идея, но довольно близко»*. Названные ассоциаты репрезентированы посредством дефинирования идеологемы. Необходимо учитывать, что имеют место и имплицированные ассоциаты, экспликация которых является следствием декодирования когнитивных метафор. К примеру, *«Тимошенко оседлает русскую идею»* (*русская идея* — «конь или осёл, которых можно оседлать»), *«Медведи приватизируют русскую идею»* (*русская идея* — объект приватизации), *«скрестить русскую идею с коммунизмом»* (*русская идея* — биологический объект для скрещивания с кем-либо, чем-либо).

Кроме того, импликационал концепта включает также и идентификационную составляющую смыслового поля — *«февронька», «человек Ной, а не человек Потоп», «пьеса „Снегурочка“* и др.

Таким образом, *русская идея* не просто идея (ср. в рекламе: «Русское радио не просто радио»), как концепт предполагает апелляцию адресанта и адресата к сложной концептуальной области, конфигурации смыслов, обусловленных историческими, социокультурными, идеологическими, духовными со-бытиями и со-знаниями.

Заключение

Когнитивная матрица идеологемы *русская идея* в русской концептуальной картине мира включает уровни: прецедентный, прототипический, идеологически-оценочный, национально-культурный, идентификационный и ассоциативно-образный.

Составное наименование *русская идея* — результат контаминированной вторичной номинации, соотнесенной с единым денотатом-образом, имеет пять коммуникативных значений, репрезентируемых русской языковой картиной мира.

План выражения идеологемы представлен пятью основными и четырьмя периферийными вариантами; план содержания идеологемы детерминирован, с одной стороны, концептуальной базой, спроецированной историко-культурной составляющей смыслового поля, с другой стороны, содержанием, актуализированным в период второй половины XX — начала XXI века.

Идеологическая составляющая концепта амбивалентна, обусловлена спектром ситуативных моделей социально-политического, философского, религиозного характера, репрезентация которых говорящим предполагает эксплицитное либо имплицитное оценивание события.

Библиографический список

1. *Николич М., Новоспасская Н.В.* Термины родства в русском и сербском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 1. С. 74–78.
2. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006.
3. *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, Изд-во Урал. ун-та, 1995.
4. *Клушина Н.И.* Контекстные измерения мифологемы // Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. М., 2014. С. 154–157.
5. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта-Наука, 2010.
6. *Мальшева Е.Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4(30). С. 32–40.
7. *Голованевский А.Л.* Идеологические концепты в лексикографическом дискурсе: семантика, прагматика, синтагматика // Принципы и методы исследования филологии: Конец XX века: сб. статей научно-метод. семинара «TEXTUS». Вып. 6. СПб.; Ставрополь, 2001. С. 335–339.
8. *Стародубец С.Н.* Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: дис. ... д-ра филол.н.: 10.02.01. М., 2010.
9. *Чепкова Т.П.* Лингвистический статус составных наименований русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 20. С. 162–168.
10. *Кожин А.Н.* Составные наименования в русском языке (на материале военно-деловой лексики) // Мысли о современном русском языке : сб. статей. М., 1969. С. 31–46.
11. *Буров А.А.* Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке: в 2 ч. Пятигорск, 1999.
12. *Стародубец С.Н.* «Русская идея» как базовый концепт религиозной философии русского зарубежья первой половины XX века // Преподаватель. XXI век. 2005. № 4. С. 41–46.

13. Куликов В.Г. Когнитивно-матричный анализ диалектных единиц // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. научных трудов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 73–86.
14. Песков А.М. Русская идея русской словесности. С.П. Шевырев. Психологические аспекты русской историософии // «Русская идея» и «русская душа»: очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007. С. 56–72.
15. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика: монография. М.–Берлин, 2016.
16. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. научных трудов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11–29.
17. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
18. Тимофеев С.Е. Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 186–200.
19. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
20. Воробьев В.В. Русская идея как лингвокультурологическое понятие // Лингвокультурология. М.: РУДН, 2006. С. 147–155.
21. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.10.2021).
22. Попова З.Д., Стернин И.А. Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований) // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. науч. трудов / РАН. Институт языкознания ; Министерство образования и науки РФ ; ТГУ имени Г.Р. Державина; Е.С. Кубрякова (отв. ред.). М. ; Калуга: Эйдос, 2007. С. 322–329.
23. Денисенко В.Н. Общее значение единиц семантического поля: становление и содержание понятия // *Russian Journal of Linguistics*. 2012. № 3. С. 12–15.
24. Стародубец С.Н. Идеологическая оценочность и идеологическая коннотация составных наименований // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. статей V Междунар. симпозиума, программа Междунар. фестиваля «Великое русское слово». : в 2-х томах / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь, 2021. Т. 1. С. 246–251.

References

1. Nikolic, M. & Novospasskaya, N.V. (2013.). Terms of kinship in Russian and Serbian languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 74–78. (In Russ.).
2. Chudinov, A.P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
3. Kupina, N.A. (1995). *Totalitarian language: vocabulary and speech reactions*. Ekaterinburg; Perm, Ural University Press. (In Russ.).
4. Klushina, N.I. (2014). Contextual Dimensions of mythologeme. In: *Stylistics Today and Tomorrow: Conference Proceedings*. Moscow. pp. 154–157. (In Russ.).
5. Radbil', T.B. (2010). *Fundamentals of the study of language mentality*. Moscow: Flinta-Nauka. (In Russ.).
6. Malysheva, E.G. (2009). Ideologeme as a linguocognitive phenomenon: definition and classification. *Political Linguistics*, 4(30), 32–40. (In Russ.).
7. Golovanevskij, A.L. (2001). Ideological Concepts in Lexicographic Discourse: Semantics, Pragmatics, Syntagmatics. In: *Principles and Methods of Philology Research: End of the 20th Century: Sat. articles scientific method. Seminar "TEXTUS"*. Vol. 6. St. Petersburg; Stavropol. pp. 335–339. (In Russ.).
8. Starodubets, S.N. (2010). *The specifics of the organization of linguistic symbolic means in the discourse of I.A. Ilyina* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).

9. Chepkova, T.P. (2007). Linguistic status of composite names of the Russian language. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 20, 162–168. (In Russ.).
10. Kozhin, A.N. (1969). Compound names in Russian (on the basis of military business vocabulary). In: *Thoughts on the modern Russian language: a collection of articles*. Moscow. pp. 31–46. (In Russ.).
11. Burov, A.A. (1999). *Syntactic aspects of substantive nomination in modern Russian*: in 2 parts. Pyatigorsk. (In Russ.).
12. Starodubets, S.N. (2005). “Russian idea” as a basic concept of the religious philosophy of the Russian abroad in the first half of the twentieth century. *Lecturer. XXI Century*, 4, 41–46. (In Russ.).
13. Kulikov, V.G. (2008). Cognitive-matrix analysis of dialect units. In: *Principles and methods of cognitive language research: Collection of scientific papers*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ. pp. 73–86. (In Russ.).
14. Peskov, A.M. (2007). Russian idea of Russian literature. S.P. Shevyrev. Psychological aspects of Russian historiography. In: *“Russian idea” and “Russian soul”: Essays on Russian historiography*. Moscow: OGI. pp. 56–72. (In Russ.).
15. Boldyrev, N.N. (2016). *Cognitive Linguistics*: Monograph. Moscow–Berlin. (In Russ.).
16. Boldyrev, N.N. (2008). Principles and methods of cognitive language research. In: *Principles and methods of cognitive language research: Collection of scientific papers*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin Press. Pp. 11–29. (In Russ.).
17. Boldyrev, N.N. (2004). Conceptual space of cognitive linguistics. *Questions of cognitive linguistics*, 1, 18–36. (In Russ.).
18. Timofeev, S.E. (2018). Ideologeme “Russian world” in modern political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 186–200. (In Russ.).
19. Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.).
20. Vorobyov, V.V. (2006). Russian idea as a linguoculturological concept. In: *Linguoculturology*. Moscow: RUDN Publ. pp. 147–155. (In Russ.).
21. National corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 01.02.2021). (In Russ.).
22. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). Modeling the content of the concept (cognitive interpretation of the results of linguistic research). In: *Problems of representation (representation) in language. Types and formats of knowledge: Collection of scientific papers*. Moscow–Kaluga: Eidos. pp. 322–329. (In Russ.).
23. Denisenko, V.N. (2012). The general meaning of units of the semantic field: the formation and content of the concept. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 12–15. (In Russ.).
24. Starodubets, S.N. (2021). Ideological appraisal and ideological connotation of compound names. In: *Russian language in a multicultural world: Collection of scientific papers of V International Symposium, International Festival “The Great Russian Word”*: in 2 vols. E.Ya. Titarenko (Ed.). Simferopol. pp. 246–251. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Стародубец Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (филиал в г. Новозыбкове); сфера научных интересов: политическая лингвистика, медиалингвистика, корпусная лингвистика, дискурсология; e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3135-6678; SPIN-code: 1485-6411

Белугина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (филиал в г. Новозыбкове); *сфера научных интересов*: анализ дискурса, диалектология, политический дискурс; *e-mail*: OBelugina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1081-234X; SPIN-code: 9810-5917

Колегова Оксана Юрьевна, аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского; Старший преподаватель кафедры английского языка N 4 МГИМО МИД РФ; *сфера научных интересов*: политическая лингвистика, корпусная лингвистика, дискурсология; *e-mail*: troy79@mail.ru

Information about the authors:

Svetlana N. Starodubets, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bryansk State University n.a. Acad. I.G. Petrovsky (Novozybkov branch); *Research interests*: political linguistics, media linguistics, corpus linguistics, discourse studies; *e-mail*: starodubets.madam@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3135-6678; SPIN-code: 1485-6411

Olga V. Belugina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bryansk State University n.a. Acad. I.G. Petrovsky (Novozybkov branch); *Research interests*: discourse analysis, dialectology, political discourse; *e-mail*: OBelugina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1081-234X; SPIN-code: 9810-5917

Oksana U. Kolegova, PhD of the Department of English Language Theory and Translation Studies, Bryansk State University n.a. Acad. I.G. Petrovsky (Novozybkov branch); Senior Lecturer at the Department of English Language N 4 MGIMO; *Research interests*: political linguistics, corpus linguistics, discourse studies; *e-mail*: troy79@mail.ru